

Родольф Бодэн

Простота стиля и конструирование идеального эпистолярного 'я': пример писем из ссылки Александра Радищева

Simplicity and the Fashioning of an Ideal Epistolary Self: the Case of Alexander Radishchev's Letters from Exile.

The present paper focuses on simplicity as a linguistic category of epistolary communication in eighteenth-century Russia. It shows how Radishchev, known after the publication of *The Journey from Petersburg to Moscow* as a writer with an inflated style, used simplicity in his letters from exile to build his epistolary 'ideal self' and stage the relationship he was longing to have with his former patron and protector Count Alexander Vorontsov.

Тема данной статьи несколько отличается от остальных работ, представленных в сборнике. Отличие заключается в том, что в статье я не касаюсь ни памяти, ни ретроспективного самоописания, а веду речь о самоописании синхронном, а именно об эпистолярном творчестве. Тем не менее, я не отклоняюсь от общей проблематики, поскольку задаюсь вопросом достоверности, аутентичности частного дискурса, т. е. центральным вопросом всех жанров, относящихся к 'Self writing'. Ввиду того, что я сконцентрировал мое исследование на категории простоты, подход мой лингвистический. Взяв в качестве примера переписку Александра Радищева, я попытался понять, каким образом простота стиля в письмах Радищева становится доказательством искренности эпистолярного авторского 'Я'. Анализ покажет, однако, что искренность эта сконструирована, и, что парадоксальным образом она обходит категорию простоты, тогда как на первый взгляд обоснованно можно было бы предположить, что она будет средством ее выражения.

1. Эпистолярность и простота

Эпистолярный язык представляет собой исключительный материал для поисков простоты стиля. В разделе *О слоге писем Новейшего самого полного и подробного письмовника, или всеобщего секретаря*, вышедшего в свет в 1812-1813 гг. в Санкт-Петербурге, читаем:

Письменный слог должен быть не слишком высок, не принужден и не шутовской. Он должен быть прост [...] Для него не нужны риторические фигуры: множество восклицаний, прозопопей, обращений, равно как и длинные периоды, необходимые иногда в другом роде сочинений¹.

Разумеется, такое требование было свойственно не только письмовникам начала XIX века и встречалось не только в России. Об иностранном происхождении стремления к простоте и о его распространении до XIX века свидетельствуют западно-европейские эпистолярные пособия, служившие с царствования Петра Великого моделью русским учебникам². Так, например, уже в *Кратком руководстве по правилам эпистолярного жанра (Traité élémentaire du genre épistolaire)* француза Витрака, изданном в 1788 г., содержится такое заявление:

La première qualité que doit avoir une Lettre, c'est la clarté. Point de

alambiqués [...]. Dans le genre épistolaire l'expression doit être vive, naturelle et concise. L'art & le travail ne doivent pas s'y faire sentir. Une Lettre embarrassée de sentences, hérissée de raisonnemens, surchargées de tous les

1. *Новейший самый полный и подробный письмовник, или всеобщий секретарь*, Санкт-Петербург, в Типографии Императорских Театров, 1822, (1-ое изд. 1812-1813 гг.), с 10-11. Данное пособие цитируется по причине его доступности в виде репринта.

2. О влиянии иностранных эпистолярных пособий в России см.: Scheidegger 1980; Joukovskaia 1999; Bernstein 2002.

lieux communs qu'enseigne la Rhétorique ne saurait être une bonne lettre³.

В основу данного предписания заложено стремление эпистолярного дискурса уподобиться устной речи, разговору, о чем упоминается в *Письмовнике* 1812-1813 гг.:

[Письменный слог] [должен быть] [...] похож на обыкновенный разговор, изображенный на бумаге⁴.

Важное значение, придаваемое способности эпистолярного дискурса воспроизводить разговорную речь, объясняется тем, что именно она считается наивернейшей носительницей языка сердца:

Чем проще, тем он приятнее, тем ближе к сердцу⁵.

Стремление приблизить эпистолярный дискурс к обыкновенному разговору сопряжено с недоверием, особенно сильным в эпоху сентиментализма, к письменной речи и ее тяготению к риторике. Недоверие же это в более общем случае восходит к подозрительности по отношению к языку как таковому, почитаемому за обманчивый из-за своего служения в качестве выразителя социальных условностей, искажающих прямое излияние реально испытанных эмоций. Неудивительно поэтому, что неприятие языка как орудия социальной лжи особенно сильно чувствуется у Руссо, отдающего предпочтение правде языка телесного, языка жестов, взглядов и слез, то есть именно тому, что станет восприниматься впоследствии как клише сентиментализма. В России предпочтение прямого телесного выражения искажающему правду языковому посредничеству появляется в романах Федора Эмина, например, в его подражании *Юлиц, или Новой Элоизе*, озаглавленном

3. Vitrac 1788: 14. Французский текст печатается с сохранением орфографии оригинала.

4. *Новейший самый полный и подробный письмовник, или всеобщий секретарь*, 10-11.

5. *Новейший самый полный и подробный письмовник, или всеобщий секретарь*, 11.

Письма Эрнеста и Доравры (1766). (Об этом см.: Vaudin 2002: 311-313).

По причине того, что пространство разделяет участников переписки, лишая их тем самым возможности прибегнуть к телесной экспрессии, эпистолярный дискурс не может обойтись без языковых средств. Минимизируя тем не менее их искажающее воздействие, он стремится к выражению правдивых чувств при помощи простоты стиля, подражая в этом разговорной речи. Основываясь на импровизации и на непосредственном самовыражении, разговор противостоит заведомо выстроенной письменной речи, а значит и риторике с ее чрезмерной болтливостью. Действительно, разговорный модус предполагает взаимный контакт, что ограничивает объем сказанного каждым из участвующих в разговоре.

Забота о простоте и краткости ощутима в письмах ссыльного Александра Радищева, написанных членам семьи и покровителю писателя, графу Александру Романовичу Воронцову, между 1790 и 1798 гг. Радищев, видимо, освоил принципы составления писем во время обучения в Пажеском корпусе в 1763-1766 годах и в последующие годы, во время своего пребывания в университете Лейпцига. В пажемском корпусе он получил необходимое для дворян образование, одним из аспектов которого было умение вести переписку, в том числе на иностранных языках⁶. А в Лейпциге он учился у Х. А. Клодиуса, по учебникам разработанным Геллертом, автором в том числе пособия по эпистолярному искусству⁷.

Поиски простоты слога выдвигаются на передний план, в частности, в двух письмах, написанных по-русски по дороге в ссылку:

6. О предметах, преподаваемых в пажемском корпусе в 1760-ые годы см. Милорадович 1876. Ученики пажемского корпуса, вероятно, обучались французскому эпистолярному стилю в рамках уроков французского языка, на которых нередко переводили письма. По крайней мере, такая практика применялась на уроках французского языка в кадетском корпусе. См. работу Д. Оффорда и Вл. Ржеуцкого «French in public education in eighteenth-century Russia: the case of the Cadet Corps» по адресу : <https://frinru.ilrt.bris.ac.uk/text/french-public-education-eighteenth-century-russia-case-cadet-corps> (проверено 27 ноября 2013 г.).

7. Выражаю благодарность анонимному рецензенту за эту информацию. См. Хексельшнайдер 2013 (в печати).

Но я сокращу мое слово о сем, дабы не наставить напрасную громаду слов и не наскучить вашему сиятельству [...] (35, от 21 декабря 1790 г.).

[...] а хотя в письме моем мало будет замысловатых комплиментов, ужели вы сочтете, что я чужд благодарности и безчувственен? (50, от 14 октября 1791 г.).

Судя по первой цитате, простота стиля заключается для Радищева в стремлении к количественной экономии используемых терминов, судя по второй – в качественном отказе от слишком сложной лексики.

Это стремление к простоте не доходит, тем не менее, до отказа от понятия стиля как такового, содержащего в себе идею обучения и приобретения навыков. В письме к Воронцову от 13 июля 1793 г. (67) Радищев извиняется за несовершенство своего стиля, объясняемое недостатком практики:

Quoique mon début sentira la rouille
[...]

Свидетельством того, что владение простотой слога не является для Радищева врожденным качеством, может послужить недоверие, с которым ссыльный писатель относится к детскому стилю, тогда как именно детский возраст с его невинностью считались моделью в культуре сентиментализма от Руссо до госпожи де Жанлис. Радищев же заявляет о стиле своих детей:

Mes petits enfants ont été transportés à la vue des petits almanachs que Votre Excellence a daigné leur envoyer. Je ne [les] fais point écrire eux-mêmes leurs remerciements. Si je conduis leur plume, ce sera quelque chose d'apprêté, et l'esprit du maître se verra dans l'écriture de l'enfant; s'il s'écrivent tout seuls, leurs expressions ainsi que leurs sensations seront faibles et embrouillés; dans les deux cas, ce n'est que de l'ennui, qu'ils pourraient vous apporter (61, от 17 февраля 1792 г.).

Второе требование, предъявляемое эпистолярным дискурсом, лаконичность,

также часто упоминается в переписке Радищева. В основе предписания “быть кратким” двойное стремление: с одной стороны, не наскучить своему адресату, а с другой, отдать должное его уму, не слишком “разжевывая” для него свои идеи. По этому поводу Витрак пишет:

Il est des personnes qui croient jamais n'avoir assés dit pour se faire entendre; elles entassent les pléonasmes, elles accumulent les termes sinonimes, & présentent la même pensée sous une infinité de formes. C'est un défaut essentiel. Ne dites absolument que ce qu'il faut: ce serait une impolitesse de faire autrement; parce que ce serait douter de l'intelligence de la personne à qui vous écrivez, & lui donner sans nécessité un long ouvrage à lire (Vitrac 1788: 16).

Если Радищев, которого ссылка жестоко лишает всякого общения с людьми из образованного общества, склонен растягивать свои письма, он постоянно просит за это прощения: во-первых, из-за боязни – субъективной – наскучить своему читателю; и, во-вторых, из уважения – объективного, – которое он питает к правилам эпистолярного жанра. На мысль об этом наводят следующие примеры:

Но я примечаю, что я уже превысил пределы вашего сиятельства терпения [...] (38, от 15 марта 1791 г.)

Je finis, pour ne point devenir ennuyeux (60, от 6 февраля 1792 г.).

Mais je sens déjà que j'ai passé les bornes prescrites pour une lettre, et que je puis devenir ennuyeux, [...] (55, от 26 ноября 1791 г.).

[...] il y a plus de six mois que ma lettre est déjà écrite; mais comme elle a excédé de beaucoup les bornes d'une lettre ordinaire, j'ai cru ne devoir pas vous incommoder par un tas de détails et de minuties et qui, pourtant souvent peut-être à faux, ne pourraient qu'être fastidieux (73, конец 1794 г.).

Радищев считает своим долгом, особенно в письмах к Воронцову, блюсти идеал

простоты, предписанный эпистолярному жанру нормативными текстами. На первый взгляд кажется, что такое положение вещей имеет простое объяснение. Радищев должен быть краток, потому что у обремененного делами вельможи Воронцова мало времени. Кроме того, ссыльный писатель, живущий благодаря защите и щедротам своего покровителя, наверняка боится испортить эти привилегированные отношения напыщенным слогом своих писем, который мог бы утомить Воронцова. И действительно, в обязанности покровительствуемых входило заинтересовать и развлечь своего покровителя, но сделать это было бы невысказано, используя докучный стиль. Вышеизложенные соображения не являются тем не менее единственными причинами, обуславливающими желание Радищева писать просто своему покровителю. Особые отношения, поддерживаемые в XVIII веке между протее и покровителем, требуют со стороны протее значительно больше, чем просто проявления скромности, почтительности и стремления быть интересным для своего покровителя. Более сложная связь между Радищевым и Воронцовым прекрасно иллюстрирует то, что можно определить как “бюрократический сентиментализм”, о котором я и поведу теперь речь.

2. Простота и “бюрократический сентиментализм”.

Отношения между двумя основными участниками переписки определяются не только разницей в происхождении, но и их служебно-иерархическими связями в прошлом. Поступив в декабре 1777 г. в Коммерц-коллегию в чине коллежского асессора, Радищев работал там под началом Воронцова, бывшего президентом Коллегии (Mc Connell 1964: 61-63). Существование этой связи не позволяет причислить переписку Радищева и Воронцова к категории так называемых “дружеских писем”, изученных Н. Степановым и У. Милс Тоддом (Степанов 1926: 74-101; Mills Todd 1976). Простыми “деловыми письмами” эту переписку назвать

также нельзя. Она иллюстрирует скорее всего то, что Кирилл Осповат очень удачно определил термином “бюрократический сентиментализм”⁸, т. е. такие социальные отношения, которые устанавливаются по вертикали, связующей покровителя со своим протеже, и которые в то же самое время питаются идеями утопического эгалитаризма, выдвигаемыми сентиментализмом.

Действительно, этика бюрократического сентиментализма основывается на принципах эгалитаризма, по меньшей мере три из которых находят свое выражение в отношениях Радищева и Воронцова. На лингвистическом уровне все эти три принципа предполагают обращение к простоте слога.

Во-первых, в системе неофициальных отношений, параллельных отношениям, устанавливаемым табелем о рангах, слишком унижить себя перед своим начальником не делает чести последнему. Чрезмерная угодливость подвергает адресата риску быть зачисленным в категорию вельмож, обделенных человеколюбием, что внушает недоверие к его усилиям усвоить просвещенный дискурс своего времени. Эпистолярный слог должен быть простым, иначе, не желая того, можно обвинить вышестоящего по рангу адресата в пристрастии к пережиткам старины. Именно в этом Сен-Прё упрекает барона д’Этанжа в *Юлии, или Новой Элоизе*. Упоминание, сделанное бароном по поводу социальной разницы между его дочерью и Сен-Прё, охарактеризовано главным героем “готическими максимами” (Rousseau 1964: 327).

Вторым принципом, лежащим в основе стремления к простоте, является требование быть честным, предполагающее устройство отношений между участниками переписки по идеологическому кодексу сентиментализма. Самая большая честь, которой можно удостоить адресата, – это считать его за собеседника, достойного доверия, и на основании этого ничего от него не утаивать. Такое желание вскормлено дорогим для Руссо идеалом

8. Термин был предложен Кириллом Осповатом на очередном съезде Study Group on Eighteenth Century Russia в Великобритании в 2007-ом году.

полной открытости перед другим (Starobinski 1971). Сердце пишущего и тем более его душа должны быть открыты для адресата, как это подсказывает следующая цитата Радищева:

Pardonnez, je sens que mon style
ressens d'une âme qui se réserve [...] (68,
19 ноября 1793 г.)

На эпистолярном уровне это требование проявляется в поиске наиболее откровенных и прямолинейных высказываний.

Третий принцип, лежащий в основе стремления к простоте, восходит к эгалитарной утопии, претворяемой в жизнь параллельно сословному обществу имперской России неофициальной группой масонов, к которой в разной степени принадлежало большое количество представителей русского сентиментализма, и, в частности, оба участника изучаемой нами переписки. Несмотря на то, что в теории масонские ложи были открыты для всех⁹, на практике в них все-таки допускались преимущественно дворяне. Однако, состав русского дворянства был крайне разнообразным. В таких обстоятельствах, употребление среди масонов термина “брат” имело целью сгладить существующие различия в пользу равенства, основанного на совместном поиске мудрости. Вот почему, как отмечает Н.Д. Кочеткова (Kotchekova 2009: 37), барон Шредер, активный член типографической компании Новикова, был очень огорчен тем, что Иван Лопухин прислал ему письмо, подписанное “très humble serviteur” (“ваш покорнейший слуга”)¹⁰. Обращение к этой формуле вежливости, рекомендованной в ином контексте, нежели масонская переписка, было воспринято Шредером как желание отдалиться от него, и, следовательно, как знак возможного недоверия со стороны Лопухина. Правда, Радищев и Воронцов не подписывали своих писем словом “брат”. Но это объясняется, во-первых, тем, что они знали, что за их

перепиской следят и что в России после дела Новикова (1792)¹¹ было опасно быть масоном. Во-вторых, тем, что степень их участия в масонстве была далеко не одинаковой¹². Участие это, однако, было реальным, что подтверждается тем фактом, что они оба числятся в реестрах ложи «Урания» (Bakounine 1967: 432, 592). Правда, упоминание имени Радищева встречается только в списке за 1774 год, но выводы некоторых современных специалистов о влиянии масонской литературы на его творчество подтверждают его интерес хотя бы к некоторым аспектам масонства¹³. Таким образом, отсутствие термина “брат” не может однозначно свидетельствовать о том, что Радищев и его покровитель Воронцов не были восприимчивы к идее равенства достоинств, которое вопреки происхождению дарует совместный поиск знаний и морального совершенства.

Как мы видим, поиск простоты в письмах Радищева представляет собой нечто гораздо большее, нежели простое проявление бережного отношения к своему покровителю, выражающееся в напоминаниях о своем положении подчиненного, или в готовности развлечь и, в то же самое время, просветить его. Поиск простоты, которым занимается Радищев, отражает этику “бюрократического сентиментализма”, выражающуюся при помощи трех специфических семантических полей: семантического поля родственных связей, семантики свободного выбора и доверия.

Будучи характерным для политической и социальной системы патриархального типа, выражение родственной связи как разновидности субординационных отношений служит в присутствии упоминаний о дружбе и поддержке ослаблению вертикального порядка подчиненности между членами переписки:

Grondez moi, donnez moi quelque fois,
et même souvent, des conseils d'ami, de

11. О деле Новикова см.: Логинов 2000: 336-364.

12. Вот уже многие годы, как принадлежность Радищева к масонству остается под вопросом. См.: Семенников 1923; Татаринцев 1958; Рогов 1958; Кочеткова 2000.

13. Вильк 2002. После долгих колебаний я присоединился к лагерю тех, кто считает Радищева масоном. См. мою книгу: Baudin 2012: 26, 69.

9. Martinov 1992: 635.

10. Письмо барона Шредера И. В. Лопухину, Берлин, 24 ноября – 5 декабря 1790, in Барсков 1915: 41.

père; car je jure à Votre Excellence, que j'en ai besoin plus que jamais. (37, от 8 марта 1791 г.).

[Votre lettre] m'est un garant sûr que vous me donnez encore une place dans votre souvenir et, la recevant comme une exhortation, une correction paternelle, je dirai seulement: pardonnez à un cœur sensible d'avoir couru après une chimère, pardonnez à un homme, aimant par essence, d'avoir voulu revoir ses enfants (77, от 30 января 1796 г.).

Наблюдаемая здесь модуляция позволяет перевести отеческую метафору из области природного оправдания абсолютизма, которое встречается в выражениях “царь батюшка”, “матушка императрица”, в область интимного выражения родственной связи, в центр сентименталистской программы и домашней идеологии зарождающейся буржуазии, отраженной в картинах Греза или в *Путешествии из Петербурга в Москву*, а именно, в речи добродетельного отца из главы *Крестцы*. В этой главе родственная связь представлена скорее как основанная на свободном выборе, а не на подчинении порядку, предписанному природой:

О друзья мои, сыны моего сердца! родив вас, многия имел я должности в отношении к вам, но вы мне ничем не должны; я ищу вашей дружбы и любви (Радищев 1938: 286).

Упоминаемый здесь свободный выбор – второй важный элемент, характеризующий вертикальные отношения, поддерживаемые Радищевым и Воронцовым. Приведем в качестве примера следующие цитаты из их переписки:

Но говаривал я прежде, говорю и ныне, что худо мог бы ладить с другими начальниками (36, от 1 марта 1791 г.).

[...] et de l'homme pour qui je porte un respect réfléchi, une estime sentie, un attachement de l'âme [...] (61, от 17 февраля 1792 г.).

В приведенных отрывках Радищев выделяет Воронцова среди других начальников, подчеркивая, что он, Радищев, никак не обязан быть в хороших отношениях с теми из них, с кем его характер не сходится, и в то же самое время он заявляет, что испытывает к своему покровителю “обдуманное уважение” (“respect réfléchi”), т. е. уважение рациональное, соизмеримое с достоинствами, которые он признает за Воронцовым.

Наконец третий и последний характерный элемент иерархической связи, поддерживаемой участниками переписки, ее фундамент – это доверие. Примечательно, что Радищев в своих сибирских письмах кажется больше винит себя за то, что утаил план нелегального издания *Путешествия* от своего начальника, нежели за то, что нарушил закон, добавив несколько отрывков к тексту рукописи после того, как получил от цензуры подпись “в печать” (Mc Connell 1964: III; Бабкин 1952: 51), или за то, что атаковал в отрывках этих Потемкина (Mc Connell 1964: III, 123; Lang 1959: 138-143) и социальный порядок, на котором зиждется екатерининская Россия:

Чего же я себе не прощу, то что я попал в беду, в которую бы себя не ввергнул, если бы в сем случае не потаил от вас моего безразсудства (36, от 1 марта 1791 г.).

Ce pourrait-il que vous m'ayez oublié? Non, je ne puis y croire: mon cœur repousse une pensée, qu'il se ferait presque un crime d'avoir (70, от июня 1794 г.).

Как видно из цитат, преступление, в котором обвиняет себя Радищев, заключается в том, что ему не достало доверия к своему покровителю, что ему не хватило веры в его благожелательность. Тем самым, доверие участвует в создании интимных отношений, выходящих за рамки простой служебной субординации. К тому же эти особые интимные отношения должны были подкрепиться тем, что Воронцов подверг себя риску, продолжая покровительствовать Радищеву после вынесения приговора о его виновности, а

также тем, что Воронцов, подав в отставку в 1794 г., разделил схожий с радищевским опыт ухода из общественной жизни (Daschkoff 1989: 209).

Таким образом, в силу соответствия требованиям “бюрократического сентиментализма”, простота слога является дополнительным доказательством сложности личных отношений, инсценированных Радищевым в своих письмах к Воронцову.

3. Простота и билингвизм

Наконец, нужно сказать несколько слов о влиянии на идеал простоты одной из основных особенностей изучаемой переписки, а именно, ее двуязычия. Письма Радищева к Воронцову написаны как по-французски, так и по-русски, выбор того или иного языка отвечал мотивам, которые я постарался осветить в предыдущих моих работах¹⁴. Тут следует уточнить, что в дошедших до нас письмах преобладает французский язык. Однако, этот факт не должен нам мешать сделать замечания о находящейся в нашем распоряжении части переписки Радищева.

Что же касается связи между билингвизмом и простотой, обратим сначала внимание на замечательный факт: извинения, повторяемые Радищевым по поводу неразумной длины своих писем, нередко выражены по-французски и появляются чаще в письмах, написанных на этом языке. В своих письмах, написанных по-русски, Радищев реже извиняется за недостаток лаконичности. Его письма на французском языке в среднем намного длиннее, и это чрезмерное увеличение объема хорошо объясняется работой Радищева над их стилем. Правда, вопреки тому, что утверждает Виктор Розенцвейг, такая работа присутствует и в русских письмах (Rosenzweig 1994: 60). Однако она носит в них более ограниченный характер. Французские письма украшены больше и не противятся, несмотря на советы

эпистолярных пособий и на заявления самого Радищева, соблазнам риторики. Французские письма изобилуют, например, повторениями:

[...] croyez, ah croyez, que mon cœur sent et est propre pour sentir tout ce qui est fait pour toucher l'âme (55, от 26 ноября 1791 г.).

Ah pardonnez, monsieur, pardonnez mes importunités (59, от 20 января 1792 г.).

Ah, quel plaisir, quel plaisir n'ai-je pas senti en les lisant! (78, от 9 июня 1796 г.).

Сопровожденные ономапопеическими восклицаниями, повторения подчеркивают напряженность чувств, выраженных в процитированных фразах. Добавим, что во французских письмах Радищева повторения приобретают иногда анафорическую структуру, как, например, в следующей антитетической фразе, очень литературной, афористической и/или театральной:

Ah! qu'il est doux de revoir les lieux qui nous ont vu naître... Ah! qu'il est cruel d'espérer souvent en vain (79, от января 1797 г.).

Помимо повторения, письма на французском языке прибегают также к эмблеме - “le désespoir à la face hideuse” (“отчаяние с безобразным лицом”), 47, от 16 июля 1791 - или к сравнению и метафоре, свидетельством чему могут послужить нижеследующие цитаты:

Mais votre douce bienveillance est comme le soleil bienfaisant (62, от 24 марта 1792 г.).

[...] comme les buveurs d'opium, je goûte en extase le bonheur enfanté par les fantômes de mon imagination (78, от 9 июня 1796 г.).

Me voilà revivifié, et les ressorts de mon âme remontés pour autant que cela peut être (60, от 6 февраля 1792 г.).

14. R. Baudin, *Russian or French? Bilingualism in Alexander Radishchev's Letters from Exile (1790-1800)*, сборник конференции *The French Language in Russia*, проходившей в Бристолле 12-14 сентября 2012, готовится к печати.

Случай употребления метафоры, прокомментированный самим Радищевым, хорошо показывает тот факт, что в своих французских письмах писатель осознанно занят работой над стилем:

Vos bontés, votre recommandation, votre souvenir seul, ou le moindre oubli de votre part, feront monter ou descendre le thermomètre (passez-moi cette singulière manière de m'exprimer) de ma manière d'être (57, от 10 декабря 1791 г.).

Синекдохи – в частности антономазии – также очень многочисленны. Я приведу только несколько из них:

Mais j'avoue que je ne suis pas assez Hercule pour en faire autant de l'éloignement où je vis, [...] (69, от 7 декабря 1793 г.).

Il est vrai que je fais l'esculape [...] (Там же)

Наконец, для того, чтобы создать ритмические эффекты, для инсценировки чувства, испытываемого пишущим в процессе написания своего письма, или для создания красноречивых пауз, письма, написанные по-французски, употребляют (иногда чрезмерно) многоточия:

Quelle reconnaissance attendez-vous? S'il ne faut que vous aimer... vous adorer est encore trop peu... Une larme devant votre portrait que je reçois des mains de ma bonne amie... sentez-là, monsieur (37, от 8 марта 1791 г.).

Je presse mes enfants contre mon sein... Ah, vous le sentez: c'est votre ouvrage (55, от 26 ноября 1791 г.).

Ah! sans vous... (63, от 4 апреля 1792 г.).

Обратим внимание еще и на то, что в соответствии с чрезмерным увеличением объема французских писем, одной из любимых Радищевым стилистических фигур в них является гипербола:

Je vous embrasse un million de fois et vous presse contre mon sœur ("Я вас

целую миллион раз и прижимаю вас к груди" – пишет он своим детям в письме 87 от 13 августа 1797 г.).

Кажется, что во французских письмах идеал простоты слога, подразумевающий открытость пишущего, отступает перед соблазнами риторики. Это объясняется грузом литературных реминисценций, обременяющих письма, написанные по-французски. В самом деле, с точки зрения влияния эпистолярной франкоязычной как документальной, так и художественной традиции, хорошо известной образованной интеллектуальной элите, к которой принадлежал Радищев, груз литературных реминисценций больше на французском, чем на русском языке. Изобилие литературных цитат в письмах, написанных по-французски (письма 37, 40, 43, 59, 61, 69, 96, 102, 103), и почти полное их отсутствие в русской части переписки, свидетельствует о том, насколько сильно в них влияние литературы.

В заключение можно сделать следующие выводы:

В своей переписке Радищев считает долгом следовать принципам эпистолярного стиля, упоминаемым в письмовниках, используя при составлении писем простую манеру письма. Забота о простоте отражает боязнь писателя утомить или наскучить своему главному адресату и покровителю.

Она свидетельствует также о том, что Радищев подчиняется требованиям, которые предъявляет присущая "бюрократическому сентиментализму" специфическая чуткость. Следуя этим требованиям, автор писем должен уметь поддерживать со своим покровителем близкие отношения, основываемые на принципах эгалитаристской утопии; залог же такого умения – простота стиля.

Идеал простоты, теоретически отказывающийся от ухищрений риторики, должен был бы применяться независимо от языка, используемого в переписке, так как и французский, и русский языки служат носителями одного и того же проекта. Тем не менее, идеал простоты отступает на второй план в письмах, написанных по-французски, гораздо более податливых соблазнам красивого слога. Учитывая

стилистические различия между французским текстом, аккумулирующим тропы, и русским текстом, скорее их избегающим, французский в письмах Радищева выполняет роль языка формализованного сентиментального дискурса, подверженного литературному воздействию. Чтобы пишущий смог лучше поделиться чувствами со своим адресатом, этот дискурс обращается к риторике. Не случайно поэтому, что в русских письмах выражение чувств, в целом сдержаннее. На этом основании русский предстает как язык простоты, а французский – как язык интимности. Два понятия, таким образом, разделены: выражение интимности

подчиняется правилам, в частности, правилам риторики, которые, с одной стороны, позволяют создать в отношениях с адресатом если не фиктивную, то условную интимность, а с другой стороны - устраняют простоту, на которой теоретически основывался помещенный в центр переписки идеал открытости перед другим.

На русский перевела Ольга Блинова, в сотрудничестве с автором. Выражаю благодарность анонимному рецензенту за ценные замечания.

Библиография

Бабкин 1952: Д.С. Бабкин, *Процесс А. Н. Радищева*, Издательство Академии наук СССР, Москва; Ленинград, 1952.

Барсков 1915: Я.Л. Барсков (изд.), *Переписка московских масонов XVIII века*, Издательство Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, Петроград, 1915.

Вильк 2002: Е.А. Вильк, 'Чудище стозебно' и Тифон ('Путешествие...' А. Н. Радищева в контексте мистической литературы XVIII в.), «НЛО», 2002, № 55, с. 151-173.

Кочеткова 2000: Н.Д. Кочеткова, *Радищев и масоны*, «Русская литература», 2000, № 1, с. 103-107.

Логинов 2000: М. Логинов, *Новиков и московские мартинисты*, Лань, Санкт-Петербург, 2000.

Милорадович 1876: Г.А. Милорадович, *Материалы для истории пажеского Его Императорского Величества корпуса 1711-1875*, Типография М.П. Фрица, Киев, 1876.

Новейший самый полный и подробный письмовник, или всеобщий секретарь, Санкт-Петербург, в Типографии Императорских Театров, 1822, (1-ое изд. 1812-1813 гг.).

Оффорд, Ржеуцкий: Д. Оффорд, Вл. Ржеуцкий, *French in public education in eighteenth-century Russia: the case of the Cadet Corps* по адресу <https://frinru.ilt.bris.ac.uk/text/french-public-education-eighteenth-century-russia-case-cadet-corps>, 27 ноября 2013 г.

Радищев 1938: А.Н. Радищев, *Путешествие из Петербурга в Москву*, // А.Н. Радищев, *Полное собрание сочинений*, т. 1, Издательство Академии Наук СССР, Москва; Ленинград, 1938, с. 226-392.

Рогов 1958: И.М. Рогов, *К вопросу о 'масонстве' А. Н. Радищева*, «Вестник ЛГУ», 1958, № 20, с. 153-154.

Семенников 1923: В.П. Семенников, *Радищев и масонство*, // В.П. Семенников, *Радищев. Очерки и исследования*, Государственное издательство, Москва; Петроград, 1923, с. 83-ш.

Степанов 1926: Н. Степанов, *Дружеское письмо начала XIX века*// Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов (ред.), *Русская проза*, Академия, Ленинград, 1926, с. 74-101.

Татаринцев 1958: А.Г. Татаринцев, *Радищев и масоны*, *Научный ежегодник Саратовского Государственного Университета*, СГУ, Саратов, 1958, с. 51-55.

Хексельшнайдер 2013: Э. Хексельшнайдер, *Новое о студенческих годах А.Н. Радищева и его друзей. Два неизвестных письма к Х.А. Клодиусу*, «XVIII век», 2013, № 27, (в печати).

Bakounine 1967: T. Bakounine, *Répertoire biographique des francs-maçons russes (XVIIIe et XIXe siècles)*, Institut d'Etudes slaves, Paris, 1967.

Baudin 2002: R. Baudin, *Formation et poétique du roman russe au XVIIIe siècle. Le système romanesque des années 1760*, Thèse de Doctorat de 3e cycle, Paris IV, 2002.

Baudin 2012: R. Baudin, *Alexandre Radichtchev, Le Voyage de Pétersbourg à Moscou*, Presses Universitaires de Strasbourg, Strasbourg, 2012.

Baudin 2012: R. Baudin, *Russian or French? Bilingualism in Alexander Radishchev's Letters from Exile (1790-1800)*, in D. Offord, G. Argent, V. Rjéoutski (ed.), *French and Russian in Russia from the Enlightenment to the Age of Pushkin*. Volume 1: The Use of French among the Eighteenth- and Early Nineteenth-Century Russian Elite, Edinburgh University Press, Edinburgh, in print.

Bernstein 2002: L. Bernstein, *Merchant 'Correspondence' and Russian Letter-Writing Manuals: Petr Ivanovich Bogdanovich and His Pis'movnik for Merchants*, «The Slavic and East European Journal», 2002, XLVI, 4, pp. 659-682.

Daschkoff 1989: E. Daschkoff, *Mémoires de la princesse Daschkoff, Dame d'honneur de Catherine II, Impératrice de toutes les Russies*, Mercure de France, Paris, 1989 (1e éd., 1966).

Joukovskaïa 1999: A. Joukovskaïa, *La Naissance de l'épistolographie normative en Russie. Histoire des premiers manuels russes d'art épistolaire*, «Cahiers du Monde russe», 1999, XL, 4, pp. 657-690.

Kotchetkova 2009: N. Kotchetkova, *La correspondance des francs-maçons russes du 18e siècle*, in R. Baudin (éd.), *L'épistolaire en Russie*, («La Revue russe», 32), IES, Paris, 2009, pp. 35-47.

Lang 1959: D.M. Lang, *The First Russian Radical. Alexander Radishchev 1749-1802*, George Allen & Unwin, London, 1959.

Martinov 1992: I. Martinov, *La franc-maçonnerie et la littérature russe au XVIIIe siècle*, in E. Etkind, G. Nivat, I. Serman, V. Strada (ed.), *Histoire de la littérature russe*, t. 1, *Des origines aux Lumières*, Fayard, Paris, 1992, pp. 628-655.

Mc Connell 1964: A. Mc Connell, *A Russian Philosopher. Alexander Radishchev, 1749-1802*, Martinus Nijhoff, The Hague, 1964.

Mills Todd 1976: W. Mills Todd III, *The Familiar Letter as a Literary Genre in the Age of Pushkin*, Evanston, Northwestern University Press, 1976.

Rosenzweig 1994: V. Rosenzweig, *Un siècle de bilinguisme littéraire*, in Y. Lotman, V. Rosenzweig, *La littérature russe d'expression française. Textes français d'écrivains russes. XVIIIe-XIXe siècles*, «Wiener Slawistischer Almanach», Wien, 1994, (Sonderband 36), pp. 54-72.

Rousseau 1964: J.-J. Rousseau, *Julie ou la Nouvelle Héloïse*, in J.-J. Rousseau, *Œuvres complètes*, II, Paris, Gallimard, 1964, pp. 1-794.

Scheidegger 1980: G. Scheidegger, *Studien zu den russischen Briefstellern des 18. Jahrhunderts und zur "Europäisierung" des russischen Briefstils*, Peter Lang, (Slavica Helvetica, Band 14), Bern, Frankfurt, Las Vegas, 1980.

Starobinski 1971: J. Starobinski, *La Transparence et l'obstacle*, Gallimard, Paris, 1971.

Vitrac 1788: J.B. Vitrac, *Traité élémentaire du genre épistolaire, de l'apologue et de la narration, à l'usage de MM. Les Humanistes du Collège Royal de Limoges*, Chez Léonard Barbou, Limoges, 1788.